

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ РОССИЙСКИХ ЭЛИТ

О.В. Гаман-Голутвина

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет)*

Аннотация: В статье анализируется историческая специфика трансформаций российского общества и государства. В качестве исходных автор статьи принимает 10 отличий динамично развивающихся и стагнирующих культур, предложенных Лоренсом Харрисоном. По мнению автора, на сегодняшний день сложились все необходимые предпосылки российской субъектности — территория, политические механизмы и т. д. Однако для преодоления стагнации российского общества и элит этого недостаточно. Выход из порочного круга возможен только на путях глубокой институциональной трансформации.

Ключевые слова: Россия, элиты, власть, метафизика, геократия, маркетизация, трансформация.

Недавние и предстоящие годы богаты поводами для размышлений о результатах последних двух десятилетий российской истории: 2011-й был годом двадцатилетия со дня основания Российской Федерации; в 2013 г. исполнится двадцать лет с момента принятия действующей Конституции РФ. В какой мере успешным было прошедшее десятилетие? Ответы на этот вопрос варьируются в предельно широком диапазоне — от бравурно-восторженных до вынесения вердикта — *failing state*. Полагаю, что в поисках объективного ответа уместно обратиться к различиям между определенно успешными государствами и теми, что не могут похвалиться достижениями. В данном случае рассмотрим особенности нынешнего состояния российской политики в контексте представленных Лоренсом Харрисоном¹ суждений об отличиях динамично развивающихся и стагнирующих культур².

1. **Нацеленность в будущее.** Прогрессивные культуры устремлены в будущее, в то время как статичные культуры ориентированы на настоящее или прошлое.

¹Harrison L.E. Promoting Progressive Culture Change // Culture Matters: How Values Shape Human Progress / L.E.Harrison and S.P.Huntington (eds.). — N.Y.: Basic Books. 2000.

²Стоит оговориться, что ни критерии Харрисона, ни оценка в этой системе координат российских реалий не претендуют на исчерпывающие характеристики — речь идет о доминирующих тенденциях, которые, конечно же, не исчерпывают весь спектр социальных параметров.

Если обратиться к нынешним российским реалиям, то предельная зацикленность на сиюминутном, поглощенность узкими — во всех смыслах — интересами, отсутствие не просто вкуса к стратегии, но элементарного интереса к ней — одна из доминант преобладающей в российском обществе социальной философии и преобладающих дискурсов

2. Труд и успех. *В прогрессивных культурах, в отличие от статичных, труд и приносимые им плоды считаются главным фактором преуспевания. В обществах первого типа работа упорядочивает повседневную жизнь, а трудолюбие, творчество и стремление к успеху не только вознаграждаются финансово, но приносят и уважение окружающих, и самоуважение.*

У нас успех, прежде всего материальный, стал иконой. Успех всегда вкусно пахнет — эта мысль Леона Фейхтвангера применительно к сегодняшней России может считаться максимальной современной жизненной философией, если к ней добавить принципиально важное измерение: успех, добытый любой ценой. Ничто не предосудительно, если приносит материальное преуспевание — «стыдно быть бедным»... Что касается — в широком смысле — ценности производительных усилий, то с этим — совсем плохо: труд остается уделом пьющего большинства (Оскар Уайльд). Правильным стилем жизни оказался воинствующий гедонизм, возведенный в добродетель и доблесть, а национальной идеей России (которую так долго и безуспешно искали специально назначенные президентом Ельциным люди) стали деньги.

3. Бережливость. *В прогрессивных культурах эта добродетель приходится матерью инвестициям, в то время как в статичных культурах в ней видят угрозу уравнилельным порядкам.*

В противовес этому демонстративное потребление тех, кому есть что демонстрировать, стало хорошим тоном. Широкую известность приобрела шутка (в которой в действительности только доля шутки — остальное правда), порицающая нового русского, который сподобился купить галстук ценою в рубль (цена условна) в то время как за углом такой же продавался за сто... Британский журналист Марк Франкетти был прав, когда написал: «деньги в России ничего не значат, если их не выставляют беззастенчиво напоказ³. Газета «Гардиан» цитирует известного олигарха Александра Лебедева, который в интервью вполне честно признался, что богатство есть «очень эмоциональная и духовная субстанция»⁴.

4. Образование. *В прогрессивных культурах в образовании усматривают ключ к прогрессу, в то время как в статичных культурах оно считается второстепенной, элитарной ценностью.*

Лучше всего о значении фактора образования как основания социальной мобильности в нынешней России свидетельствует позиция недавнего и нынешнего руководства Министерства образования и науки, демонстративно декларирующего желательность сокращения бюджетных мест в отечественных вузах. В нашем обществе образование утратило статус канала вертикальной мобильности, а существенное ухудшение качества образования стало притчей во языцех...

5. Поощрение способностей. *В прогрессивных культурах индивидуальные способности выступают важнейшим фактором личного карьерного роста; в статичных культурах эту роль выполняют социальное происхождение и связи.*

В нынешней России меритократический критерий продвижения не работает почти нигде — даже там, где его нарушение может стать угрозой безопасности (опасные производства, медицина и т. п.), — его заменили патрон-клиентные отношения. Стоит обратить внимание на существенное отличие нынешнего клиентелизма от распространенного в советское время блата: последний (несмотря на значительное распространение) был периферийным механизмом решения личных проблем (поступление в вуз, престижное трудоустройство

³Franchetti M. Future Ruling Class of Russia // The Sunday Times. — 2008. — 5 05.

⁴The Guardian. — 2008. — 02.10.

и т. п.). Нынешний клиентелизм не просто на порядки масштабнее — его функциональное значение иное: он предстает как универсальное основание вертикальной мобильности и групповой сплоченности — т. е. в качестве ключевого принципа организации экономических отношений и структурирования социальной ткани в целом.

Статус клиентелизма как системной дисфункции, определяющей многообразные феноменологические проявления социальных деформаций, обусловлен его ролью как фактора архаизации базы социальной организации. В основе доминирования отношений личной зависимости лежит короткий радиус социальной идентификации и доверия. В свое время Роберт Патнем⁵ блестяще показал, что в обществах традиционных связи имеют короткий радиус, тогда как в модернизированных доверие распространяется за пределы семейно-родственного круга⁶. Близка позиция Лоуренса Харрисона: коррупция в значительной мере «представляет собой культурный феномен, обусловленный такими факторами, как ограниченный радиус социальной идентификации и доверия, которые ведут к ущербу восприятию сообщества и «эластичности» этических норм»⁷.

6. *Общественная солидарность.* *В прогрессивных культурах радиус общественной идентификации и доверия выходит за пределы семьи и охватывает более широкое социальное целое. В традиционных же культурах сообщество ограничивается семейными рамками. Социальные системы с небольшим радиусом идентификации и доверия более склонны к коррупции, налоговым нарушениям и не тяготеют к филантропии.*

Масштабы дефицита солидарности и сострадания в нынешней России таковы, что она предстает страной победившего индивидуализма и воинствующего эгоизма. «Каждый сам за себя в этой пустыне эгоизма, называемой жизнью» — эти слова Стендаля, кажутся сказанными о нас сегодняшних.

Данная метафора подтверждается и эмпирическими исследованиями. Так, изыскания голландского исследователя Гирта Хофстеде, изучавшего различия между культурами на основе пяти дихотомических параметров, среди которых есть коллективизм-индивидуализм, подтверждают, что современное российское общество — пожалуй, самое индивидуалистическое в мире, так что сторонники отечественной уникальности могут в очередной раз торжествовать: мы опять в авангарде человечества — в номинации «индивидуализм» мы опережаем даже считающихся рекордсменами в этой сфере общества Запада, поскольку индивидуалистические установки и ценности там ограничиваются и уравниваются культурой ассоциаций и коммунитаризма, ценностями и практикой социальной солидарности. Так, в США масштабы филантропии сопоставимы с военным бюджетом, а взаимная помощь членов местных сообществ образует густые и эффективные сети доверия и поддержки. Между тем в России подобные социальные связи коротки — они ограничиваются кругом ближайших родственников и друзей — и чрезвычайно слабы. В немалой степени поэтому у нас практически незаметны партии и движения, опирающиеся на ценности коммунитаризма, слабы политические движения, исходящие из ценностей солидаризма. Наши профсоюзы — во многом формальные образования. И это касается многих других институтов, которые традиционно выступают в качестве «визитной карточки» гражданского общества.

Это выглядит парадоксом: в стране победившего индивидуализма слабо гражданское общество. В чем истоки такого парадокса? Между тем одна из базовых традиций в понимании гражданского общества исходит из того, что его несущей конструкцией является индиви-

⁵Патнем Р. Чтобы демократия сработала. — М.: Ad Marginem, 1996.

⁶Различение радиуса доверия и качества социальных связей лежит также в основе введенного М.Вебером различия «холодных» и «теплых» обществ. В «холодных» обществах радиус доверия существенно больше, чем в «теплых».

⁷Harrison L.E. Promoting Progressive Culture Change // Culture Matters: How Values Shape Human Progress / L.E.Harrison and S.P.Huntington (eds.). — N.Y.: Basic Books. 2000.

дуализм. Но наш индивидуализм асоциален, поэтому институты гражданского общества не формируется, а их место занимает кликами.

В чем тому причины? Базовой причиной дефицита солидарности видится слабость институционального каркаса общества. Институты в данном случае — не учреждения, а нормативная система, ансамбль правил и норм. Ситуация неэффективности формальных институтов побуждает людей рассчитывать исключительно на собственные силы. Слабость нормативных установлений, отсутствие ясных и общеобязательных правил игры оставляют индивида наедине со своими проблемами и обрекают человека на поиск формул индивидуального выживания и успеха. В результате установка на индивидуальные выживание и успех становится единственно рациональной жизненной стратегией.

Впрочем, эту ситуацию было бы ошибочно видеть исключительно в качестве российской девиации: и в тех странах, где гражданские общества относительно эффективны, социологи констатируют взрыв индивидуализма: «Вера в спасительную миссию общества сегодня мертва по обе стороны разобранной идеологической баррикады — во дворцах и хижинах, в элитных кварталах и городских гетто. Люди оказываются во власти ощущения того, что отсутствуют механизмы обеспечения эффективных коллективных действий сегодня и мало надежд на их возрождения в будущем»⁸.

7. Строгость этических норм. Поведенческие кодексы, принятые в прогрессивных культурах, обычно более ригористичны.

В сегодняшней России апелляция к этическим императивам выглядит архаичной. Более того, неартикулированное пренебрежение, переходящее порой откровенное презрение к этической норме, по умолчанию является одним из оснований системы правил отношений.

8. Справедливость и честность. В межличностных отношениях, отличающих прогрессивные культуры, эти качества являются наиболее ожидаемыми. И наоборот, для статичных культур справедливость, подобно персональному успеху, представляет собой функцию, реализуемую только за деньги или в силу личных связей.

Конечно, справедливость по определению — сущностно оспариваемое понятие. Однако справедливым в данной системе ценностей представляется право силы — финансовой, политической, административной, а честность воспринимается как вызывающий насмешку удел маргиналов.

9. Рассредоточение власти. В прогрессивных культурах власть обычно рассредоточена по горизонтали, а в статичных культурах она сконцентрирована и реализуется вертикально.

Концентрация власти традиционно была особенностью российского социума. Ее сегодняшняя версия характеризуется сосредоточением власти в пределах узкого сегмента акторов. Недавнюю тандемократию приходится признать ущербной версией рассредоточения власти. Стоит обратить внимание на концентрацию в современной России не только политической, но также экономической власти.

Об этом определенно свидетельствуют результаты исследований распределения доходов. Недавно опубликованный отчет *Global Wealth* компании *Boston Consulting Group (BCG)* за последний год, в котором оценивается богатство самых состоятельных семей планеты, показывает, что Россия являет собой ярчайший пример имущественного неравенства. Среди прочих параметров Россия выделяется в связи крайне незначительным удельным весом богатых и сверхбогатых семей в населении страны. Так, согласно отчету *BCG* семь сотен сверхбогатых семей контролируют свыше \$500 млрд, или более трети всего богатства страны, а в совокупности с 111 тыс. семей «классических миллионеров» (т.е. семей с состоянием более \$1 млн), они контролируют около 70% всего национального богатства. Не случайно в список 15 стран с наиболее высокой долей миллионеров среди населения Россия не попала. Лидиру-

⁸Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: 2002. — С. 35.

ет здесь Сингапур (17,1%), Катар (14,3%) и Кувейт (11,8%). По расчетам BCG, доля богатых домохозяйств в России составляет около 0,2% (за основу взяты данные переписи за 2010 г.)⁹.

10. **Секуляризм.** В прогрессивных культурах влияние религиозных институтов на общественную жизнь незначительно, в то время как в статичных культурах оно зачастую весьма существенно. В первых из них поощряются разногласия и плюрализм, а во вторых — ортодоксия и конформизм.

На наш взгляд, наличие религиозной регуляции может быть свидетельством разного качества социальных отношений, а в условиях катакомбного формата существования церкви — проявлением нонконформизма и этической состоятельности. В современном российском социуме относительно высокий рейтинг доверия к церкви — результат эрозии других институтов; церковь замещает иные, нерелигиозные по своей базовой природе институты, прежде всего дефицит регулятивной функции светской этики. В целом же нормы религиозной этики — христианской, мусульманской или какой-то иной — востребованы в связи с масштабной девальвацией влияния иных форм социальной регуляции. Применение приведенных критериев к оценке эволюции России как общества определенно свидетельствует о стагнации (если не деградации) социальных отношений. Замещение современных норм архаичными неизбежно должно было привести — и привело — к системной архаизации. Думаю, не будет преувеличением возложить ответственность за подобное положение дел на доминантные группы — не только в силу исторической укорененности в России подданических паттернов, но в связи с тем, что в любой стране качество элит в полной мере является интегральным показателем состояния социума, а сами элиты — ключевыми драйверами социальных изменений.

В чем истоки нынешней стагнации и российских элит и общества в целом?

Для понимания природы подъема и упадка элит и возглавляемых ими наций полезно обратиться к концепции пассионарности Льва Гумилева, предложившего понятие *пассионарности* в качестве русскоязычного эквивалента англоязычного термина *drive*. Данный термин был призван определить кумулятивный результат действия этнологических, географических и исторических детерминант как «фактор икс», приводящий в движение народы¹⁰: «Пассионарность — это «способность и стремление к изменению окружения»¹¹. Рассматривая примеры известных пассионариев — Александра Македонского, Наполеона, Люция Корнелия Суллы, Жанны д'Арк, Яна Гуса, протопопа Аввакума — Гумилев показал, что дело не в личном «героизме», а в создании этнической доминанты, которая организует пассионарность системы и направляет ее к намеченной цели¹²: «Работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения»¹³; «Не отдельные пассионарии делают великие дела, а тот общий настрой, который можно назвать уровнем пассионарности»¹⁴.

В рамках данной методологической гипотезы находит разрешение дилемма «герой или массы» в качестве субъекта политического действия. Ключевая роль в истории принадлежит, несомненно, выдающимся личностям, однако из этого следует не игнорирование роли масштабных социальных групп, а констатация их *опосредованного участия*: большое сообщество становится субъектом благодаря своей избыточной энергетике (пассионарности), что проявляется в выдвигании крупных исторических деятелей, призванных и способных к реализации масштабных исторических задач. Со всей определенностью можно констатировать

⁹Forbes.ru. — 2012. — 01.06. — www.forbes.ru

¹⁰Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — М.: Гидрометеиздат, 1990. — С. 260.

¹¹Там же, с. 266.

¹²Там же.

¹³Там же, с. 273.

¹⁴Там же, с. 270.

глубинную связь между сообществом в целом¹⁵ и масштабом лидеров. Причем порой энергичные социальные движения возникают из-за незначительных поводов, просто давая выход плещущей через край энергии молодого этноса: «Способ поддержания целостности системы зависит от эпохи, точнее от фазы этногенеза. В молодых системах элементы контактируют весьма напряженно... страстно, что и вызывает столкновения. Часто кровавые распри не несут ни идейного, ни классового смысла, происходя в пределах одного социального слоя»¹⁶.

Концепция Гумилева стала развитием имевших место в более ранних памятниках социальной философии попыток понять природу энергии, лежавшей в основе поступков выдающихся личностей и целых народов. В частности, Георг-Вильгельм-Фридрих Гегель писал в «Философии истории»: «...ничто великое в мире не совершалось без страсти»¹⁷. Немало страниц рассмотрению роли индивидуальных страстей в развитии исторического процесса, в том числе включая самые низменные страсти, как «алчное стремление к богатству», приведшее к возникновению антагонистической социально-классовой структуры общества, посвятил Фридрих Энгельс в известной работе о происхождении семьи, частной собственности и государства¹⁸. Историк Огюстен Тьерри оставил описание наблюдавшихся в истории мощных общественных движений, ведомых мощной энергией, не всегда осознаваемой: «Народные массы, когда они приходят в движение, не отдают себе отчета в той силе, которая их толкает. Они идут, движимые инстинктом, и продвигаются к цели, не пытаясь ее точно определить. Если судить поверхностно, то можно подумать, что они слепо следуют частным интересам какого-нибудь вождя, имя которого только и остается в истории. Но эти имена получают известность только потому, что они служат центром притяжения для большого количества людей...»¹⁹.

Отмеченные подъемы, как правило, сменяются спадами, а на смену титанам во главе государств на этапе их восхождения приходят пигмеи в эпоху упадка.

Возвращаясь к реалиям постсоветской политики, можно сказать, что предельно лаконичной характеристикой нынешнего периода эволюции постсоветских элит является его определение как *пост-имперского этапа*. Одно из правил гегелевской диалектики гласит: познание сущности возможно при выходе за ее пределы. Иначе говоря, все познается в сравнении. В текущем году был отмечен 60-летний юбилей пребывания на престоле королевы Елизаветы II, правление которой войдет в анналы истории не только как одно из самых длительных в мировой истории, но и как отмеченное тяжелейшим кризисом — распадом одной из величайших империй мира, о которой прежде говорили, что над ней «никогда не заходит солнце». Представляет интерес взгляд на пост-имперскую эволюцию России в свете британского опыта.

Сложившись в течение XVI–XVIII вв., Британская империя достигла пика могущества в середине XIX в. Российская империя начала формироваться чуть позже, став в начале XVII в. второй по размеру территории после Британской империи страной. Спустя столетие — в начале XVIII в. — она обрела имперский статус, а в середине XX в., после Второй мировой войны, — в формате СССР — превратилась во вторую в мировой политической иерархии величину. Именно в этот период началось крушение Британской империи. Через полвека последовал распад империи советской. И хотя падение этих империй разделяет всего около по-

¹⁵Для его определения Лев Гумилев употреблял не вполне удачную конструкцию этноса: «Этнос — не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а система различных, по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций, вмещающей географической среды, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы... реальную этническую целостность мы можем определить как динамическую систему, включающую в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями» (Там же, с. 103).

¹⁶Там же, с. 261.

¹⁷Гегель Г.-В.-Ф. Философия истории. — СПб.: Наука, 1993. — С. 76.

¹⁸Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. — М.: Издательство политической литературы. — С. 176.

¹⁹Тьерри О. Избранные сочинения. — М.: Соцэргиз, 1937. — С. 255.

лувека и процессы заката имеют немало общих черт, существенных различий больше. Главное отличие заключается в том, что распад Британской империи был вынужденным по характеру: она пала под напором центробежных импульсов, исходивших из колоний, несмотря на энергичные и целенаправленные усилия элиты по сохранению империи. Черчилль, вернувшийся во власть в 1951 г., через четыре года после утраты главной имперской жемчужины — Индии, заявил, что выиграл выборы не для того, чтобы «председательствовать при закате Британской империи».

Распад ставшего преемницей Российской империи СССР в высшей точке его могущества в немалой степени был инициирован самой отечественной элитой — позднесоветской номенклатурой. И если логика действий руководителей национальных республик в составе СССР очевидна — обретение независимой от Москвы легитимности, то не вполне логичный с формальной точки зрения добровольный отказ центральной элиты от власти во многом был определен особенностями внутренней организации, ментальности и установок сознания отечественной элиты конца 1980-х годов. Именно эти они сыграли ключевую роль в определении судьбы страны.

С чего начинается империя? Полагаю, что три кита любой империи — это *собственный «Большой проект», избыточная энергетика населения* (пассионарность — как витальная, так и метафизическая) и *эффективные технологии рекрутирования имперской элиты*, осознающей свою миссию. Совокупность перечисленных факторов составляет метафизическое пространство империи, вне которого невозможно ее физическое тело.

Первым собственным историософским имперским *проектом* стал проект «Москва — Третий Рим». Впоследствии этот проект обретал различные версии, одной из которых стал III Интернационал. Не случайно Н. Бердяев писал, что вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал²⁰. Особенностью историософской доктрины Российской империи (после 1917 г. в формате СССР) была *установка на развитие*: «рука Москвы» была тяжелой и жесткой, но на периферийных территориях она выполняла функцию модернизации. Определенные аналогии тут можно провести и с империей Британской: несмотря на чудовищные издержки имперского строительства, империя не рассматривалась британцами исключительно как источник наживы — ее воспринимали как взаимосвязанное сообщество. Представление о «бремени белого человека» сформировалось в середине XIX в. не в последнюю очередь как оправдание цивилизаторской — модернизационной — миссии.

Что касается *энергетики населения*, то именно пассионарность на протяжении веков выступала неиссякающим ресурсом, необходимым «горючим материалом» исторического движения нашей страны. Однако, похоже, безжалостный к России XX век истощил доселе бездонный ресурс исторической энергии: несколько революций, форсированная системная модернизация страны и победа в самой кровавой из войн потребовали таких усилий, что поставили население страны на грань психологического и физического выживания на рубеже тысячелетий. Но ключевые причины, определившие специфику разницу пост-имперской эволюции России и Британии, коренятся в *особенностях формирования и ментальности ее политического класса* двух стран.

Специфика российской элиты была определена характером, условиями и темпами имперского строительства в России. Важнейшим по значимости фактором стали особенности территориального строительства Российской империи. Вызов пространства — «собрание земель», необходимость освоения и консолидации огромных территорий — наиглавнейший вызов любой империи, однако в случае Руси-России территориальный вызов стал не просто одним из вызовов — он стал смысловой доминантой в процессе государственного строительства и источником легитимности власти.

²⁰Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. (Переизд. Париж: YMCA-Press). — М.: Наука, 1990.

Динамика территориального расширения в процессе создания Российской империи была беспрецедентной. Только в период с середины XVI в. и до конца XVII в. Москва ежегодно в среднем приобретала земли, равные площади современной Голландии. К началу XVII в. Московское государство равнялось по площади всей остальной Европе, а присоединенная в первой половине XVII в. Сибирь по масштабу вдвое превышала площадь Европы (Арнольд Тойнби впоследствии написал, что присоединение Сибири стоило России цивилизации...). К середине XVII в. российское государство стало самым большим государством в мире, а к середине XVIII столетия территория России — по сравнению с Московским княжеством начала правления Ивана III — увеличилась более чем в 50 раз, составив шестую часть обитаемой суши. Таким образом, Российская империя вышла по величине территории на второе место после Британской. Таким образом, процесс территориального расширения предстал базовым фактом нашей судьбы: «История России есть история страны, которая колонизируется»²¹.

По сути, отечественный правящий слой на протяжении последних пяти веков складывался как *геократия* — *слой, призванный собирать земли и управлять ими*²². Другим, не менее важным фактором стала *необходимость защищать завоеванные земли*. Описывая политический строй Московского государства, Ключевский отмечал, что такой своеобразный склад государственного порядка «объясняется господствующим интересом, его создавшим. Этим интересом было ограждение внешней безопасности народа»²³. Россия значительную часть своей истории провела в оборонительных войнах, что дало основание Ключевскому уподобить Московское государство вооруженному лагерю²⁴. Для понимания роли пространства для российской элиты в прошлом, следует вспомнить мысль Фридриха Ницше о внешнем и внутреннем пространстве: внешнее пространство составляют формальные структуры — социальные, политические и т.п., тогда как внутреннее пространство вбирает в себя важнейшие области духовной сферы, язык, сознание и т.п.

В результате сложения факторов мощного по масштабу и стремительности территориального расширения Руси-России и необходимости ее защиты *территория-земля* стала и *внешним, и внутренним* пространством российской элиты. Более того, собиранье земель и их защита предстали фактором легитимности российской власти, которая выступала в качестве основного инициатора территориального расширения: «Главная особенность российской колонизации заключается в том, что ее стимулятором, организатором, регулятором был „центр“, средоточие власти. И массовое перемещение населения из центральных губерний на просторы Сибири могло осуществляться лишь после того, как эти просторы были „завоеваны“, стратифицированы, поглощены властью. Именно по наущению или с ведома „центра“ или поставленных им в главных сибирских городах воевод или поддерживаемых и стимулированных властью промышленников снаряжались лихие землепроходческие экспедиции вроде походов Семена Дежнева, Ерофея Хабарова или Василия Пояркова. Все оставленные ими на географической карте отметины... не только объявлялись принадлежащими московскому го-

²¹Ключевский В.О. Сочинения в 8 т. Т. 1. — М.: Политиздат, 1956. — С. 31.

²²Термин «*геократия*» используется также Дмитрием Замятиным, но с другим смысловым наполнением: для обозначения той неопределенной когнитивной ситуации, которая сложилась в результате осмысления роли географического пространства в истории России и российской цивилизации (см.: Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю. Пространство российского федерализма // ПОЛИС (Политические исследования). — 2000. — № 5. С. 98—110).

²³Ключевский В. История сословий в России. — Петроград: Лит.-издат. отд. Комиссариата нар. просвещения, 1918. — С. 121.

²⁴Подробнее см.: Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. — М.: Мысль, 1993. — С. 54, 514; Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. 2-е изд. — М.: РОССПЭН, 2006. — Гл. 1-2; Солоневич И.Л. Народная монархия. — М.: Феникс, ГАСК СК СССР, 1991. — С. 40; Никольский Б. Войны России. (Русский колокол. 1928. № 3). // Наш современник. — 1991. — № 5; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. — М.: Высшая школа, 1993; Ключевский В. История сословий в России. — Петроград: Лит.-издат. отд. Комиссариата нар. просвещения, 1918. — С. 181.

сударю, но и геополитически привязывались к одному из центров власти — не к Москве непосредственно, так к Якутску, где сидел царский воевода, то есть становились микрокосмами, а затем и локусами власти...»²⁵. Таким образом, пространство предстало подлинным фактором легитимации российской власти в историческом прошлом.

Территориальное расширение в столь значительных масштабах, такими темпами при бедности государственной казны и перманентных внешних угрозах (не случайно историк Сергей Соловьев применительно к России употреблял выражения «бедная страна», «бедный народ») требовало запредельного напряжения сил и населения, и элиты. Не случайно и то, что именно с петровских времен берет начало многовековой спор сторонников расширения территории страны и приверженцев сдержанности в расширении границ государства — спор, актуализировавшийся в советскую эпоху.

В условиях подобного имперского строительства России рекрутирование властного класса начиная с XV в. было выстроено по «служилому лекалу», основанному на принципе «привилегии — за службу государству». Этот принцип предполагал наделение управленческого класса государства — его политической элиты — *временными* привилегиями как вознаграждение за несение службы государству. Поэтому в качестве политической элиты России на протяжении пяти веков выступал высший эшелон административно-политической бюрократии. Сложившись еще в Московском государстве, этот принцип благодаря реформам Петра I, стал технологией выстраивания политических конструкций Российской империи. Можно с определенностью сказать, что имперская элита в России началась с отказа от принципов местничества и принципа землевладения в пользу «служилого критерия».

Данный критерий не случайно стал основанием системы рекрутирования власти: привилегии стали «пряником», необходимым для привлечения на государственную службу, поскольку последняя в условиях России порой была весьма далека от положения праздного класса. Более того, Василий Ключевский констатировал, что в нашей стране обязательные государственные повинности падали на высшие служилые классы порой с наибольшей тяжестью²⁶.

Положение российского политического класса действительно было весьма далеко от статуса подлинной элиты, что определило востребованность формирования российского властного класса по принципу наделения *временными, на условиях несения службы государству*, привилегиями. На основании данного принципа формировалось боярство в Московском государстве, дворянство и имперская бюрократия в Российской империи, партийно-хозяйственная номенклатура в СССР²⁷. Этот «сквозной» исторический принцип формирования российской элиты определял перманентность ее стремления обрести передающиеся по наследству, а не временные и увязанные с несением службы государству, привилегии. В этом контексте можно упомянуть Манифест о вольности дворянства Петра III (1762), подтвержденный Жалованной грамотой дворянству Екатерины II (1785). Обретение *полноценных* привилегий в 1990-е годы стало революцией элит в качестве сообщества, нацеленного на реализацию партикулярных интересов и частных целей (не случайно тогда термин «элиты» побил рекорд по степени употребления). Более того, собственность стала основанием рекрутирования во власть. Произошла *приватизация не только государства, но и статуса элиты*. Из носителя *миссии* она стала *частным субъектом*. Создание империи — акт «длинной» исторической воли, требующий пассионарности. Но страсть истощает. Имперская элита устала от имперского бремени, а распад территории империи стал материализацией отказа от имперской миссии.

²⁵Королев С.А. Бесконечное пространство. — М.: ИФРАН, 1997. — С. 33.

²⁶Ключевский В. История сословий в России. — Петроград: Лит.-издат. отд. Комиссариата нар. просвещения, 1918.

²⁷Подробнее см.: Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. 2-е изд. — М.: РОССПЭН, 2006.

Не исключено, что отказ элиты от миссии и истощение пассионарности общества не имели бы столь эпохальных для страны последствий, если бы не совпали с глубинной трансформацией и глобального контекста. Эта трансформация многоаспектна, но в данном контексте затронем только два из ее измерений, а именно — ослабление привязки национальных политических и экономических акторов к «месту приписки» и всеобъемлющую маркетизацию системы общественных отношений.

Одним из первых характеристику философско-политических последствий первой их отмеченных трансформаций представил еще в начале 1990-х годов многолетний советник президента Франции Франсуа Миттерана, бывший глава Европейского банка реконструкции и развития, экономист и политолог Жак Аттали в работе «На пороге нового тысячелетия». Он определил рождающийся на рубеже XX–XXI вв. новый этап цивилизационного развития как «цивилизацию кочевников». Принципиальным отличием этой цивилизации становится изобретение и широкомасштабное внедрение в обиход компактных мобильных предметов и технологий, использование которых будет сопровождаться утратой традиционной привязанности к стране, общине, семье: «привилегированные жители как Европейской, так и Тихоокеанской сферы, а также богатейших примыкающих к ним провинций станут освобожденными, наделенными властью номадами, связанными между собой лишь желанием, воображением, алчностью и амбицией. Такая новая кочевая элита уже формируется, уже разрывает свои связи с родными местами — своим народом, своими ближними. ...Культура выбора, соединенная с логикой рынка, выделит для человека средства достижения беспрецедентной степени личной автономии. Владение кочевыми предметами (или доступ к ним) будет повсюду рассматриваться как признак свободы и могущества»²⁸.

Другим, но близким концептом, предложенным для характеристики новой эпохи, является понятие «текучей современности» как динамическом потоке времени-пространства, ключевыми акторами которой становятся дисперсно организованные, малозаметные властители, не привязанные к определенной территории — в отличие от массовых групп, определенно идентифицирующих себя с территорией-государством²⁹. Важнейшей характеристикой элиты новой эпохи становится мобильность³⁰. Для определения новой генерации Александр Неклесса предложил удачный термин — «люди воздуха»: «К усложнившейся и модифицированной системе власти получает доступ генерация „людей воздуха“, тесно связанная с постиндустриальным (нематериальным, *эфирным*) производством»³¹. Этот новый субъект по определению глобален и «не имеет внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков»³².

Российская элита довольно легко вписалась в отмеченную тенденцию. Платой за приватизацию статуса элиты и обретение прежним «*служилым классом*» сопутствующих этой приватизации беспрецедентных по масштабу привилегий (передающихся по наследству, а не увязанных со службой государству) и стал отказ постсоветских элит на исходе XX в. от модернизационной миссии и «сброс» территорий. Территория утратила статус фактора легитимации, таковым стал скорее, фактор экстерриториальности. Российские элиты в значительной мере предстали органическим элементом номадической генерации современных элит, легитимация которых увязана с органичностью их интеграции в глобальные сообщества.

²⁸Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. — М.: Международные отношения, 1993.

²⁹Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь Мир, 2004; Бауман З. Текучая современность. / Пер. под ред. Ю.Асочакова. — СПб.: Питер, 2008.

³⁰Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь Мир, 2004.

³¹Неклесса А.И. *Homines Aeris or Who Builds the World? Люди воздуха, или кто строит мир?* — М.: Инст. экон. стратегий, 2005. — С. 22.

³²Делягин М.Г. Глобальный управляющий класс // Свободная мысль. — 2012. — № 1/2. — С. 74.

Однако в оценке отказа от модернизационной миссии элит автор далек от обличительного пафоса, как минимум потому, что ответственность за судьбу страны несут не только элиты, но и общество: каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Качество руководящего слоя есть лакмусовая бумага качества общества. Кризис лидерства — верный признак упадка нации³³. Тяжелейшего, но временного и преодолимого или окончательного — вопрос открытый... В «Философии истории» Гегель разделял народы на исторические и неисторические. Предназначение первых — воплощение воли мирового духа (или смысла истории в терминологии Карла Ясперса) на различных этапах истории. Выполнив историческую миссию, народ может перейти в статус неисторического. Хочется думать, что применительно к евразийскому пространству этот исход не предопределен.

Что касается второго аспекта трансформации, то рубеж XX–XXI вв. (не только в России, но в мире в целом) стал переходом к нестационарной системе социальных связей и радикальной перемены значения политики и экономики, когда важнейшей доминантой социальной организации предстала широкомасштабная *маркетизация системы общественных отношений*. Применительно к сфере политике эта трансформация нашла выражение в *превращении политики в сферу бизнеса и формировании политических рынков как разновидности экономических рынков, основанных на принципах прямого обмена спроса и предложения*³⁴. Причем последние понимаются не просто как специфика современных электоральных кампаний, представших как сугубо коммерческий процесс, а как *глубинная трансформация системы отношений между управляющими и управляемыми*. Такая трансформация затронула системы государственного управления: современные государства обрели сервисный формат, сближающий их со сферой коммерческого обслуживания³⁵.

Сказанное означает принципиальное изменение механизмов легитимации элиты: рынок «все больше и больше признается легитимной инстанцией легитимации»³⁶, а профессионально вовлеченные в мир политики участники занимаются *политикой как бизнесом*³⁷ и *ориентируются в своем политическом поведении на бизнес-стратегии*³⁸. Это меняет легитимность существующего порядка и дает основание вопрос о делегитимации демократии как идеально-типической модели политического режима и переходе к *постдемократии*³⁹.

В данном контексте неслучайными выглядят результаты эмпирических политико-биографических исследований состава политической элиты России⁴⁰, согласно которым существенная часть управленческого класса (депутаты Госдумы, члены Совета Федерации, губернаторского корпуса, федеральной исполнительной власти) по базовому профилю деятельности — выходцы из бизнеса — либо политические предприниматели, либо предприниматели классического толка.

³³Gaman-Golutvina O. Political Leadership and Political Elites in Russia // Masciulli J., Molchanov M., Knight W.A. (eds.). The Ashgate Research Companion to Political Leadership. — Ashgate, 2009.

³⁴Подробнее см.: Пшизова С.Н. Политика как бизнес: российская версия (I-II) // ПОЛИС (Политические исследования). — 2007. — № 2-3.

³⁵Подробнее см.: Гаман-Голутвина О.В. Изменение роли и функций современного государства и реформы государственного управления: отечественный и мировой опыт. // Олейник А.Н., Гаман-Голутвина О.В. (ред.). Административные реформы в контексте властных отношений: опыт постсоциалистических трансформаций в сравнительной перспективе. — М.: РОССПЭН, 2008; Dyczok M., Gaman-Golutvina O. (eds.). Media, Democracy and Freedom. — Bern: Peter Lang, 2009.

³⁶Бурдые П. О телевидении и журналистике. — М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. — С. 42.

³⁷Пшизова С.Н. Политика как бизнес: российская версия (I) // ПОЛИС (Политические исследования). — 2007. — № 2.

³⁸Пшизова С.Н. Политика как бизнес: российская версия (II) // ПОЛИС (Политические исследования). — 2007. — № 3. — С. 75.

³⁹Крауч К. Постдемократия (пер. Н.Эдельмана). — М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2011.

⁴⁰Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ. 2012. / Под ред. Е.Б.Шестопаля и А.В.Селезневой. — М.: РОССПЭН, 2012.

Полученные в рамках упомянутого политико-психологического исследования данные коррелируют с результатами проведенных в разное время других исследований. Впервые вывод о том, что ведущей тенденцией рекрутирования российской политической элиты является не приток выходцев из силовых структур⁴¹ (о чем писали многие публицисты в начале 2000-х годов), а массовый приход в сферу управления выходцев из бизнеса, был сделан в рамках выполненного под руководством автора этих строк масштабного проекта «Самые влиятельные люди России»⁴². Подтверждение того, что предпринимательство стало ведущим форматом политической деятельности на примере депутатского корпуса, было получено в рамках исследования персонального состава Государственной Думы в 1993–2011 гг., также выполненного под руководством автора данных строк в рамках общеевропейского проекта по изучению персонального состава национальных legislatures⁴³. Другие исследования, основанные на изучении представительства крупного бизнеса в составе ведущих политиков России, также показывают, что выходцы из крупного бизнеса составляют весомый сегмент политической элиты России на протяжении последних двадцати лет⁴⁴.

Таким образом, *непосредственное* политическое участие крупного бизнеса (например, крупного предпринимателя Михаила Прохорова в президентских выборах 2012 г. в качестве кандидата) или *опосредованное* (когда предприниматели обретают депутатские мандаты или занимают губернаторские кресла, что, как показывают исследования, в России весьма распространено) предстает как наиболее заметная черта современной российской политики.

Что касается политического участия действующих или бывших сотрудников специальных структур, то анализ⁴⁵ показывает, что профильное военное или специальное образование не мешает его носителям быть эффективными лоббистами коммерческих структур, что вписывается в упомянутую тенденцию всеобъемлющей маркетизации. В России отмеченные тенденции масштабной маркетизации системы общественных отношений и изменения механизмов легитимации власти элит проявляются с большей силой, нежели в странах с устойчивыми демократическими традициями. Постсоветский период в России стал больше, чем простым отказом от политико-идеологических оснований предшествовавшей эпохи — он стал радикальным отрицанием прежних системообразующих смыслов.

При анализе особенностей российской версии маркетизации следует принять во внимание ее принципиальную особенность, а именно — конгломератный характер. Этот термин, предложенный Алексеем Богатуровым⁴⁶, означает сосуществование разнородных укладов и отношений. В данном контексте речь идет о сосуществовании — наряду с системой рыночных отношений — уклада, существенно от нее отличного, а именно *феодалного*. При этом

⁴¹Хотя в начале 2000-х годов такая тенденция действительно имела место. В связи с этим тогда немало писалось о том, что возрастание удельного веса действующих и бывших военных в период первого срока президентства Владимира Путина привело к формированию в России новой правящей хунты — милитократии (см., напр.: Крыштановская О.В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. — 2002. — Т. 7 — № 4. — С. 158-180). Критику данной позиции см.: Гаман-Голутвина О.В. (отв. ред.). Самые влиятельные люди России. — М.: Имидж-контакт, 2004; Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформаций в российской элите // ПОЛИС (Политические исследования). — 2009. — № 5.

⁴²Гаман-Голутвина О.В. (отв. ред.). Самые влиятельные люди России. — М.: Имидж-контакт, 2004.

⁴³Результаты предшествовавших этапов проекта см.: Гаман-Голутвина О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе // ПОЛИС (Политические исследования). — 2006. — № 2-3.

⁴⁴Шабров О.Ф. Динамика изменения удельного веса и влияния корпоративного компонента политической элиты постсоветской России // Гаман-Голутвина О.В. (отв. ред.). Элиты и общество в сравнительном измерении. — М.: РОССПЭН, 2011.

⁴⁵Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: веки исторической эволюции. 2-е изд. — М.: РОССПЭН, 2006. — Гл. 6.2.

⁴⁶Богатуров А.Д. Анклавная природа мировой политики и перспективы формирования мирового общества // Богатуров А.Д. (отв.ред.). Современная мировая политика. Прикладной анализ. — М.: Аспект Пресс, 2009.

данные уклады существуют не как *рядоположенные*, а *взаимопроницающие*, вследствие чего российский рыночный сектор деформируется и обретает характер *квазирыночного*.

Данное положение требует ряда пояснений.

Термин «феодальный» — впрочем, как и ряд других терминов социального знания — имеет различные трактовки. Наиболее распространенное значение — это определение одной из неповторимых стадий общественно-экономического развития. В данном же контексте термин используется в его политическом измерении — для определения универсального явления, базовой характеристикой которого выступает слияние экономического и политического управления и образование на основании отношений патрон-клиентной зависимости самодостаточных квазигосударственных образований в рамках границ национального государства. Эта трактовка восходит к пониманию феодализма Марком Блохом. Именно такие образования сложились в России второй половины 1990-х годов. Сформировавшиеся в тот период политико-финансовые структуры (олигополии) обрели собственный финансово-промышленный потенциал; свои службы безопасности; свои креатуры в органах власти различного уровня, силовых и правоохранительных структурах (МВД, ФСБ, прокуратура, суд); сформировали информационно-аналитические империи и связи с определенными регионами и отраслями; обзавелись «диванными» политическими партиями и установили контакты с определенными сегментами оппозиции. В результате крупнейшие олигополии превратились в многопрофильные и почти самодостаточные квазигосударственные образования. Это дало основание констатировать *тенденцию квазифеодализации* модели элитообразования, о чем свидетельствует приватизация частными структурами прерогатив публичной власти. Дополнительным аргументом в пользу квазифеодального характера данных образований свидетельствует предпринятый в работах Михаила Афанасьева анализ отношений в рамках этих образований, который показал отчетливый патрон-клиентный характер таких связей⁴⁷. Воспроизводство отношений клиентелизма можно рассматривать в качестве веского основания для диагностирования архаизации процессов элитообразования⁴⁸.

В итоге переплетения различных укладов образуется российская версия *общества риска*⁴⁹ и российский вариант *текущей современности*⁵⁰. Формирование общества риска есть мировая тенденция, затрагивающая — в той иной степени — все значимые сегменты мира. При этом каждая из значимых версий данной тенденции имеет свои особенности, для понимания которых можно использовать предложенную Парагом Ханной характеристику структуры современного мира. Отказываясь от традиционного видения этой структуры, Ханна полагает, что его трехполюсная структура — «первый», «второй» и «третий» миры — стала анахронизмом; сегодня осталось разделение на «первый» (США, ЕС, Китай) и «второй» миры (все остальные)⁵¹. При всей дискуссионности данной дихотомии, ее можно принять в отношении одного критерия — а именно, качества социальной организации и оснований социально-политической мобильности. В «первом мире» — при всех его очевидных уязвимостях и слабостях — вектор социальной мобильности в той или иной мере содержит элементы продвижения по формализованным рациональным основаниям (профессиональная компетентность, образование, заслуги и т.д.); во «втором» — системы мобильности выработаны на иных критериях.

Учитывая разнородность и разнокачественность «второго мира» можно предположить, что в наиболее архаичных анклавах «второго мира» принципы социальной организации и

⁴⁷Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. — М. Московский общественный научный фонд, 1997. — С. 280, 282.

⁴⁸Подробнее о признаках феодализации в российской трансформации см.: Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. 1-е изд. — М.: Интеллект., 1998.

⁴⁹Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁵⁰Бауман З. Текущая современность / Пер. под ред. Ю. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008.

⁵¹Ханна П. Второй мир. — М.: Европа, 2010.

вертикальной мобильности основаны на откровенно рудиментарных принципах организации традиционных обществ (кровное родство, племенные характеристики, откровенный клиентелизм); в модернизированных версиях эти архаичные принципы сочетаются или, по крайней мере, завуалированы модернизированными принципами (образование, партийная карьера, профессиональная компетентность, опыт работы), однако решающими, как правило, выступают не эти принципы, а основанные на неформальных отношениях критерии.

В России на протяжении двух последних десятилетий эксперты, включая автора этих строк, неоднократно фиксировали доминирование в системе социальных отношений патрон-клиентных отношений⁵². Отмечалось отличие российского клиентелизма от его классических версий, распространенных в обществах традиционного типа, к числу которых на постсоветском пространстве относились государства Центральной Азии⁵³: если в последних базовым основанием консолидации элитных кланов выступают кровнородственные и земляческие основания, то в России 1990–2000-х годов — экономические интересы.

Анализ процессов рекрутирования доминирующих групп во втором десятилетии текущего века позволяет скорректировать данную характеристику — к сожалению, не в пользу модернизации критериев. В спланированных элитных группах экономических интересах все более отчетливо просматривается более архаичный компонент, а именно — родственный. Естественно, наиболее заметны родственные связи в формировании бизнес-элит: анализ поколенческого обновления бизнес-структур показывает приход на руководящие позиции младшего поколения создателей бизнесов. Однако бизнес-элитами эта тенденция не ограничивается и охватывает сферу публичной власти. Два поколения семей Жириновских, Воробьевых, Пономаревых, Гудковых, родственные связи значительного числа других действующих членов Государственной Думы и Совета Федерации, семейные тандемы в составе правительства в 2007–2012 гг. — лишь «надводная часть» родственно-семейных айсбергов, отчетливо сигнализирующая о том, что современный российский клиентелизм обретает семейно-родственные очертания.

Своеобразие данного варианта заключается в противоречивом сочетании почти не просто разнокачественных, но конфликтующих укладов — феодального и современного, даже постсовременного. Если первый предполагает статичность отношений, их основанность на принципах статичной структуризации, низкой мобильности и низком качестве оснований мобильности, но последний предполагает изменчивость границ, принципиальную относительность разделительных линий и включенность социума в систему глобальных коммуникаций.

Очевидно, что в данной системе субъектность имеет крайне противоречивый характер и вектор. Доминирующим компонентом субъектности становится *приватный*: даже персонифицирующие *публичные институты* лица действуют по преимуществу как *приватные акторы*. Так, коррумпированность бюрократии означает, что она действует по преимуществу не как агент государства, ответственный за производство общественных благ, а как *приватный актер, нацеленный на максимизацию приватной прибыли*.

Тут следует оговориться, что под восстановлением субъектности имеется в виду не стремление к созданию новой империи — об этом речь не идет в принципе. Субъектность в данном случае означает более адекватное использование разнообразного и обширного ресурсного потенциала для реализации масштабных инновационных (социальных и технологических) проектов, что позволит стать России более успешным и влиятельным политическим игроком.

Если вернуться к аналогии с Британией, то ее переход в пост-имперское качество произошел *не благодаря, а вопреки* усилиям политического класса. Сохранить империю не

⁵²См., например: Гаман-Голутвина О.В. (отв. ред.). Самые влиятельные люди России. — М.: Имидж-контакт, 2004 и др.

⁵³См.: Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. 2-е изд. — М.: РОССПЭН, 2006. — Гл. 6.1.

удалось, и многое из того, что знакомо нам из отечественной истории последних лет, имело место и в Альбионе. И тем не менее, хотя в начале 1960-х годов о Британии говорили, что она «утратила империю и не нашла новой роли в мире», а в 1970-х годах ее называли «большим человеком Европы» (как некогда Османскую империю), снижение субъектности не носило характер обвала.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что объективные предпосылки российской субъектности налицо — разнообразный потенциал, обширная территория (Российская Федерация является самым крупным государством мира), всевозможные политические механизмы. Недостает одного, но ключевого ресурса — «длинной» политической воли. Пассионарности. Куража. Каждая эпоха рекрутирует своих героев: империи создаются титанами. Но героические эпохи — в прошлом. Страсть истощает...

Впрочем, снижение политической субъектности может быть сублимировано в экономическую пассионарность. Вспоминается известная траектория развития экономического класса другой страны — «финансист — титан — стоик». История может повториться...

Есть ли основания надеяться, что нынешний упадок и российских элит, и российского общества — временный? И где найти тот спасительный рычаг, который способен стать инструментом преодоления стагнации? На эти вопросы вряд ли могут быть найдены однозначные ответы — они во многом зависят от точки отсчета. Авторы монографии «Культура имеет значение» видят первоисточник и социального упадка, и общественного восхождения в культуре⁵⁴. Исходя из этой посылки, можно заключить, что сформировавшиеся паттерны клиентелизма элит способны заблокировать будущее развитие. Тут есть риск попасть в порочный круг: прогресс невозможен вследствие негативного культурного наследия, обретающего статус не просто *path dependency*, но блокирующего развитие фактора.

На наш взгляд, выход из порочного круга возможен на путях институциональной трансформации. Опыт успешно преодолевших аналогичный порочный круг стран показывает, что путь к *хорошему обществу* лежит на путях строительства *правильных институтов*. Думаю, что преодолеть порочный круг возможно посредством создания эффективно работающих институтов. *Институты имеют значение* — этот парафраз знаменитого принципа шведских ученых Яна-Эрика Лэйна и Сванте Эрсона («*институты важны*»)⁵⁵ может стать второй частью максимы, претендующей на роль универсального рецепта успешного государство-строительства. Именно эффективно работающие институты со временем меняют архаичные нормы культуры. Рационально создаваемые институты, понимаемые в качестве эффективной нормы, и есть путь к искоренению изживших себя норм *культуры*.

В свое время Талкотт Парсонс писал: институты — это «всеобщие модели норм, которые очерчивают категории предписанного, разрешенного и запрещенного поведения в социальных отношениях для людей в их взаимоотношении друг с другом как членов общества и его различных подсистем и групп»⁵⁶. К такой трактовке близка позиция Сэма Хантингтона, который понимает институты как «стабильные, ценные, повторяющиеся нормы поведения»⁵⁷. Этим трактовкам созвучна интерпретация Дугласа Норта: «Институты — это ‘правила игры’ в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют отношения между людьми»⁵⁸. Приверженцы нового институционализма пошли дальше и выдвинули предположение о том, что институты воздействуют на существующие в обществе ценности, включая базовые — справедливость, ин-

⁵⁴Харрисон Л., Хантингтон С. Культура имеет значение. — М.: Московская школа политических исследований, 2002.

⁵⁵Lane J., Ersson S. *Politics and Society in Western Europe*. — L.: Sage Publications, 2000. — P. 9.

⁵⁶Parsons T. *Structure and Process in Modern Societies (A Collection of Essays)*. — Glencoe (Ill.), 1960. — P. 177.

⁵⁷Huntington S. *Political Order in Changing Societies*. — New Haven: Yale University Press, 1968. — P. 12.

⁵⁸Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. — М.: Начала, 1997. — С. 17.

теграция в сообщество, коллективные идентичности, солидарность и доверие. Благодаря Джону Роулзу данное положение получило операционализацию. Он сформулировал позицию, согласно которой именно справедливые политические институты могут способствовать построению справедливого общества, а не наоборот, справедливое общество создаст справедливые политические институты⁵⁹. Думаю, эта мысль может стать основой эффективного социального проектирования и в сегодняшней непростой российской ситуации.

Но откуда взяться эффективным современным институтам? Как показывает опыт историй успешных государств, архимедовым рычагом выступает фактор эффективного лидерства, создающего эффективные институты. Нет оснований полагать, что российский случай — исключение из правил.

⁵⁹Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. — М.: 1999. — С. 154.